

Глава 5. Вира за грехи

Бай Чэнцзюэ вышел наружу, чтобы продолжить варить снадобье.

Сюэ Бэйван остался сидеть на кане. В его памяти вновь и вновь всплывала та ночь: залитая лунным светом комната, Цзюэюй у окна и её протянутая рука, ласково зазывающая его внутрь. Его затапливало нежным теплом.

Эта неземная дева, чистая, точно небожительница, пеклась о нём, выхаживала и даже унизилась до просьб перед чужаком, лишь бы спасти его жизнь. От этих мыслей Сюэ Бэйван крепче прижал к груди лоскутное одеяло и тихо, блаженно рассмеялся.

Вернувшись с дымящейся пиалой, Бай Чэнцзюэ застал раненого за этим глупым занятием. Тот сидел, завернувшись в одеяло, с абсолютно счастливым лицом.

— Погляжу, господин Сюэ только сейчас осознал, что остался жив, — негромко усмехнулся Бай Чэнцзюэ.

Сюэ Бэйван качнул головой и поспешно натянул одеяло до самого носа, пытаясь скрыть улыбку. Но образ девы Цзюэюй — её мимолётный взгляд, улыбка, сияющие звёздным блеском глаза — упрямо стоял перед мысленным взором, поднимая в душе бурю сладкого смятения. Он не выдержал, снова глухо прыснул в одеяло, но тут же взял себя в руки. Сбросив ткань, он притворно откашлялся и с самым серьёзным видом посмотрел на вошедшего:

— С кем имею честь говорить? Как мне величать почтенного брата?

— Бай Умин, — сухо представился тот, протягивая пиалу. — Пей. И сразу под одеяло, спать.

От недавней настороженности Сюэ Бэйвана не осталось и следа. Он без тени сомнения принял чашу и в несколько крупных глотков осушил её до дна, даже не поморщившись от горького вкуса чёрного варева. Утерев рот рукавом, он оставил на заляпанной кровью исподней рубаше новое грязно-бурое пятно.

Вернув пустую пиалу, он широко, обезоруживающе улыбнулся.

Бай Чэнцзюэ забрал посуду.

— Пьёшь так смело. Не боишься, что там яд?

— Я верю деве Цзюэюй. И вам, старший брат Бай, тоже верю, — отозвался Сюэ Бэйван.

— А ведь ещё недавно ты подозревал, что я хочу сжить тебя со свету или использую в корыстных целях?

Юноша смущённо повёл плечом:

— То глупость моя была, не разглядел я благородного человека. Простите неразумного, брат Бай. Проявите великодушие, забудьте прежние обиды, ладно?

Бай Чэнцзюэ лишь беззвучно усмехнулся и покачал головой. Не догадайся он по нефритовой подвеске, кто перед ним стоит, этот малый уже давно гнил бы в общей могиле.

— Мне недосуг копить обиды. Но вот о чём я тебя предупрежу: князь Минь — любимчик императора. Сам он слаб телом, и курицы не обидит, но его поместье кишит тайными мастерами. Оставь свои глупые затеи. В следующий раз оступишься — и утянешь за собой на плаху Цзюэюй.

Сюэ Бэйван опустил взгляд. Слова собеседника мгновенно вернули его к суровой реальности, напомнив о подлинной цели прибытия в царство У. Он упрямо сжал челюсти, а пальцы судорожно сжали одеяло, так что побелели костяшки.

Сюэ Бэйван молчал слишком долго. Бай Чэнцзюэ под маской мгновенно посмотрел ледяным взглядом.

«И правда. Стоит заговорить о великом деле, как любая женщина для таких, как он, становится разменной монетой»

Вспомнив, как сладко этот юнец только что грезил о Цзюэюй, Бай Чэнцзюэ почувствовал, как в груди закипает ядовитая злость. Пальцы сильнее сжали глиняную пиалу. Чтобы не выдать себя, он резко повернулся спиной к раненому. Когда он заговорил, голос его звучал глухо и угрожающе:

— Если подобное повторится, я умываю руки. Даже если дева Цзюэюй станет умолять меня на коленях, я и пальцем не шевельну, чтобы вытащить тебя с того света.

Бай Чэнцзюэ прекрасно понимал: Сюэ Бэйван прибыл в царство У вовсе не ради союза. Этот глупец проделал огромный путь лишь ради того, чтобы таскать для кого-то каштаны из огня. Свято верит в братскую верность, не понимая, что самые близкие люди превратили его в пешку и отправили в чужие земли на верную смерть.

— Спасибо за предостережение, брат Бай, — глухо отозвался Сюэ Бэйван. — Клянусь честью, отныне я костыми лягу, но не позволю моим делам бросить тень на деву Цзюэюй.

Не оборачиваясь, Бай Чэнцзюэ холодно бросил:

— Запомни свои слова. На столе лежат лепёшки, проголодаешься — поешь. Я вернусь позже, чтобы сменить повязки.

— Благодарю вас, брат Бай.

— Побереги свою благодарность для деви Цзюэюй.

К вечеру все дела, связанные с покушением в поместье, были улажены.

Облачившись в одежды деви Цзюэюй и прихватив из трактира ужин, Бай Чэнцзюэ вернулся в лесную хижину. Но внутри было пусто. На грубом деревянном столе сиротливо белел обрывок ткани с наскоро начертанными прощальными словами.

«А этот недоносок упрям. Смерть ему не указ»

Лицо Бай Чэнцзюэ потемнело от гнева. Резким взмахом руки он снёс со стола принесённый короб с едой. Тонкое дерево с треском раскололось, осколки посуды перемешались с изысканными яствами, превратившись в грязное месиво. На бледном, лишённом эмоций лице застыла ледяная маска, а в глазах заиграл смертоносный блеск.

Ночь выдалась сырой и холодной. Сюэ Бэйван шёл сквозь лесную чащу, бережно сжимая в руке извлечённую из-за пояса бамбуковую дощечку с посланием.

Добравшись до указанного места, он толкнул тяжёлую дверь. В глубине тускло освещённой залы, на почётном месте, восседал человек в бамбуковой шляпе-доули. Плотные поля скрывали его лицо, но дорогой шёлк одеяния и тончайшая золотая вышивка на рукавах выдавали человека знатного и влиятельного.

— Приведите её, — раздался из-под шляпы холодный голос.

В залу грубо втокнули Линсян. Девка рухнула на колени прямо к ногам таинственного господина. Лицо её было белым как мел, опухшие щёки горели багровыми кровоподтёками — сразу видно, над ней усердно поработали палачи.

Мужчина небрежно шевельнул пальцами. Стоявший рядом страж мёртвой хваткой вцепился несчастной в челюсть, силой заставляя раскрыть рот. Сюэ Бэйван оцепенел от хлынувшего к горлу отвращения: во рту у девки вместо языка чернел лишь уродливый, сочащийся кровью обрубок.

Она пыталась что-то промычать, но из горла вырывался лишь утробный хрип. Как бы Сюэ Бэйвану ни досаждали её прежние домогательства, при виде столь варварской расправы его сердце пропустило удар.

— Что всё это значит? — процедил он сквозь зубы, уставившись на хозяина дома.

— Девка оказалась слишком длинноязыкой, — лениво отозвался мужчина, постукивая пальцами по столу. По его знаку слуга поставил перед Сюэ Бэйваном белое фарфоровое блюдо. На нём лежал кусок окровавленной плоти. — Из-за её глупых сплетен почтенный посланник едва не расстался с жизнью, а наше великое дело оказалось под угрозой. Раз уж она не умеет держать язык за зубами, то и сам язык ей ни к чему. Считайте это скромной вирой за причинённые неудобства. Надеюсь, эта досадная оплошность не омрачит наш союз с третьим принцем.

Мужчина слегка наклонил голову, и он блеснул глазами в полумраке:

— Но если господин посланник всё ещё серчает, мы можем отрубить ей руки и ноги. Как вам такое подношение в знак примирения?

Услышав эти слова, Линсян в ужасе забилась, отчаянно мотая головой. Сюэ Бэйван замер в нерешительности, пытаясь сообразить, как поступить. Но эта секундная заминка лишила девку последней надежды. Собрав остатки сил, она вырвалась из хватки стражников, бросилась вперед и с разбегу впечаталась виском в опорную деревянную колонну.

Раздался хрустящий удар.

Сюэ Бэйван резко втянул воздух сквозь зубы. Тело девки рухнуло на земляной пол, судорожно задргалось и затихло в луже быстро растекающейся крови. Юноша нахмурился, не в силах отвести взгляд от мертвеца.

Он прекрасно понимал: Линсян не стала бы лгать из-за одной лишь уязвлённой гордости. Но её сделали крайней. Чтобы замять досадный промах и спасти союз, этой кукле пришлось заплатить жизнью.

— Что ж, живой она так и не сумела вымолить у вас прощения, — равнодушно обронил незнакомец, покосившись на труп. — Можете делать с её телом всё, что вашей душе угодно. Лишь бы между нами не осталось недомолвок.

— У меня нет столь варварских пристрастий, — холодно отрезал Сюэ Бэйван. — Девка мертва. Забудем об этом.

— Вот и славно. Ваше великодушие делает вам честь, господин посланник.

Сюэ Бэйван скользнул взглядом по изувеченной голове Линсян. Череп в месте удара зловеще промялся внутрь, а широко распахнутые остекленевшие глаза с тоской и ужасом косились на выход, словно умирая, она отчаянно пыталась вырваться на свободу.

— Вы позвали меня среди ночи лишь ради того, чтобы похвастаться своим умением убивать? — спросил он, с трудом подавляя тошноту.

— Отнюдь. Первое — я вернул вам долг чести. Второе — для вас есть новое поручение, господин посланник.

Мужчина медленно поднялся и подошёл к юноше вплотную.

— В поместье князя Миня на днях выявили и казнили нескольких слуг. Все они были моими людьми. Эти никчёмные дураки околачивались там без малого три месяца, не вывели ровным счётом ничего, да ещё и умудрились лишиться голов. Теперь у меня нет иного выбора, кроме как просить вас лично проникнуть в это гнездо и разузнать, что там творится.

— Князь Минь — всего лишь праздный вельможа, не имеющий реальной власти, — нахмурился Сюэ Бэйван. — К чему тратить на него столько сил?

Собеседник тихо, зловеще рассмеялся. Он смакуя повторил слова "праздный вельможа", и он оскалился под тёмной вуалью шляпы:

— Этот калека — хищный лис, который жрёт людей и костей не выплёвывает. Будь он пустым местом, покойный император давным-давно прихватил бы этого ублюдка с собой в могилу.

— Я сделаю это, — хмуро согласился Сюэ Бэйван. — Но избавьте меня впредь от своих кровавых представлений. Мне они не по вкусу.

Мужчина удовлетворённо кивнул и бросил ленивый взгляд на застывший труп Линсян.

— И ещё одно. Линсян перед смертью успела сболтнуть, будто вы зачастили в весёлые кварталы к некой девице. Не думал, что наш суровый воин окажется столь нежным влюблённым. Берегите себя, господин посланник. Будет жаль, если ваша пылкая страсть навлечёт на эту прелестную пташку беду и оборвёт её короткий век.